

Ирина Ярич

КАЛЕЙДОСКОП

СБОРНИК

Ирина Ярич
Калейдоскоп. Сборник

«Издательские решения»

Ярич И.

Калейдоскоп. Сборник / И. Ярич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835372-7

В сборник вошли рассказы, повести, поэма и две одноактные пьесы, написанные с 1997 по 2011 годы. Большинство из них исторические, дабы напомнить читателю о событиях прошлых веков и заинтересовать историей и культурой дальних стран. Сборник рассчитан на семейное чтение и предназначен как для детей, так и для взрослых.

ISBN 978-5-44-835372-7

© Ярич И.
© Издательские решения

Содержание

Стародавние времена	6
Легенда о Радуге I	6
Действие первое	6
Действие второе	7
Действие третье	7
Действие четвёртое	8
Действие пятое	8
Действие шестое	9
Действие седьмое	10
Давай меняться!	11
Оурик	13
Енисей	15
Коварная Такла-Макан	18
Древний	23
Клочок папируса	23
Древняя	26
Переселение	26
I	26
II	27
Детство Коллодия	32
(об образовании в Древних Афинах)	32
Древний Рим, Карфаген	35
Прихоть сына царя	35
(Одноактная пьеса)	35
Действие первое	35
Действие второе	37
Действие третье	38
Путешествие в разрушенный город	41
Глава первая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Калейдоскоп Сборник Ирина Ярич

© Ирина Ярич, 2016

ISBN 978-5-4483-5372-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Памяти моей сестры Лилии Барболиной (Куропятниковой),

которая дала название этому сборнику

Стародавние времена

Легенда о Радуге¹

Действующие лица:

Бог Вселенной,
Богиня Земли,
Бог Природы,
Богиня Вод,
Царь,
Радуга, его дочь,
Гром, жених Радуги,
Кузнецы, братья,
Злой Дух,
народ.

Действие происходит много тысяч лет назад на Совете Богов, во Дворце опального Царя, в пещере под огромной скалой, где в клокочущем источнике обитает Богиня Вод, в кузницах, в городе, на природе.

Действие первое

Б о г В с е л е н н о й. Я собрал вас, чтобы обсудить поведение людей и решить, наказывать их или нет.

Б о г и н я З е м л и. Земля людям даёт всё, но они этого не ценят! Отравляют её нечистотами! Роят глубокие шахты, опустошают недра, которые я копила миллионы лет!

Б о г П р и р о д ы. Животных и птиц истребляют для забавы. Леса вырубают!

Б о г и н я В о д. Ставят плотины на реках. Озера, реки и моря отходами отравляют!

Б о г В с е л е н н о й. Да, плохо себя ведут наши дети. Неужели зря мы создали их? Худшее то, что они друг друга не любят. Ложь и лицемерие везде процветают. Люди друг друга убивают! А из-за чего? Из-за власти и денег! Создавая их, мы надеялись, что они, подобно нам, будут справедливы и добры. Не созидая духовную личность в себе, паразитами стали на Земле. А от паразитов какая радость, только вред.

Б о г и н я З е м л и. Создатель, и владыка Вселенной, ты можешь и меня наказать вместе с ними, но не могу я сбросить их с Земли.

Б о г П р и р о д ы. Да они вредят себе, природе и Земле. Но, может быть, мы ещё один шанс дадим людям исправиться? Ведь есть же среди них и благородные, и честные, хоть их и мало.

Б о г В с е л е н н о й. О праведных душах не беспокойся, они будут спасены и пополнят наши ряды. Мне тоже жаль детей моих, но они, бездумные, губят себя и всё вокруг. Предлагаю покарать их, но дать возможность выжить им. Согласны вы, друзья мои?

Б о г и. Да! Согласны!

Б о г В с е л е н н о й. Богиня Вод, поручаю тебе наказать водой погрязший в пороках народ. Но предоставь им одну попытку спастись.

¹ Пьеса написана на основе рассказа автора «Легенда о Радуге», написанном и опубликованном в 1996 г.

Действие второе

(Во Дворце одного из опальных царей)

Б о г и н я В о д. Явилась пред тобою я, чтоб выполнить решение Бога Вселенной, поддержанное Советом Богов.

Ц а р ь. Что же решили всемогущие Боги? Что от меня они хотят?

Б о г и н я В о д. Боги решили наказать Род людской! Каждый из вас, лишь заботится о себе. Ты же самый жестокий, жадный, лживый и равнодушный к чужому горю из всех правителей земных. Но, несмотря на это, в твоей душе есть ещё немного тепла, благодаря дочери единственной твоей. У тебя её заберу!

Ц а р ь. Нет! Оставь её! Возьми жизнь мою! Она невинна и чиста, не делала она в жизни зла!

Б о г и н я В о д. Поэтому и забираю. Может быть, тогда проснётся совесть у тебя, что за твои грехи страдает бедное дитя!

Ц а р ь. Нет, молю! Сжался, прошу!

Б о г и н я В о д. Всё уже решено, и я выполнить должна. Красавицу, дочь твою, на горе высокой я к тучам привяжу. И на Землю польют ливни. Под потоками воды окажутся города, селения, леса, уголья, горы и поля. Но! Если же среди людей порочных найдутся пылкие сердца и захотят спасти дочь царя, то ко мне их пошли – я скажу, что надо делать. Предупреди: должны быть смелые и ловкие они, отважно к опасности идти. Спасут её – всех спасут!

Действие третье

(Царь с балкона разговаривает с народом, который стоит внизу. Среди них находится жених Радуги Гром)

Ц а р ь. Мой, народ! Идет великая беда! Боги разгневались на нас и решили покарать! Уже в наказание мне похитили дочь родную! В любой миг небывалой силы пойдут дожди! Погибнем все мы в потоках небесной воды!

Г о л о с а и з н а р о д а. «Неужто нельзя царевну спасти?», «Что царевна? Какой от неё прок?», «Скоро сами сгинем!», «Надо поскорее брать вещички и спасаться!»

Ц а р ь. Не спасётся никто. Богиня Вод сказала, что если спасут дочь мою – спасутся все. От себя я добавлю, что зятем будет моим спаситель дочери родной!

Г р о м. Царь, ты, что забыл – мне в жены Радуга обещана тобой, и она согласна с этим!

Ц а р ь. Помню я. Но один человек не совладеет там.

Г о л о с а и з н а р о д а. «Не верим тебе царь». «Ты никогда обещанного не выполнял». «Размечтаешься на царевне жениться, жизнью будешь рисковать, а в благодарность головы лишишься».

Ц а р ь. Нет резона у меня обманывать вас! В любой момент дочь моя погибнет, да и мы все разом!

Г о л о с а и з н а р о д а. «Ты о нас не горевал, не заботился, только силы из нас выжимал». «Не хотим тебе помогать». «Своя рубашка ближе к телу». «Мы на деревья залезем, авось, дожди нас не зальют».

Г р о м. Замолчите все! Царь, скажи, где Радуга? Куда надо идти!

Ц а р ь. На юге есть огромная скала. Под нею просторная пещера, где бьёт клокочущий Родник. Там Богиня Вод обитает. Тем, кто отважится Радугу спасти, велела к ней прийти.

Действие четвёртое

(Гром входит в пещеру. В глубине её находится небольшое озеро, в середине его бьёт клокочущий родник, как гейзер. Из водных брызг выходит Богиня Вод после призыва Грома, переходит озеро, подходит к нему ближе.)

Явление первое

Г р о м. Богиня Вод, откликнись! Говорят, ты здесь живешь! Скажи, куда Радугу увела, где её прячешь?

Б о г и н я В о д. Ты один пришел, смелый человек?

Г р о м. Радуга – невеста мне, и я её спасу!

Б о г и н я В о д. Это будет не легко. Умеешь ли ты мечом владеть в совершенстве?

Г р о м. Я с детства воин.

Б о г и н я В о д. В какой руке обычно держишь меч ты?

Г р о м. Противника могу обеими руками отразить.

Б о г и н я В о д. Прекрасно! Тебе потребуется сила и ловкость. Найди опытного кузнеца, который смог бы тебе выковать два меча. Сроку я даю три дня. На западе есть высокая гора. Её вершина в облаках сокрыта. Когда срок закончится, там будет Радуга, привязана к тучам веревками не простыми. Их сможет увидеть лишь любящее сердце, готовое пожертвовать собой ради жизни другой! Но это ещё не всё. Эти мощные, невидимые нити надо перерубить сразу все! Как только замешкаешься ты, какую-нибудь из них не разрубив, тучи в тот же миг станут расходиться и Радугу на части разорвут! Но не думай, что ливни прекратятся. После её смерти погибнут все в потоках бесконечных! Готов ли ты её спасти?

Г р о м. Да, иду искать я кузнеца. Но срок малый ты мне дала!

Б о г и н я В о д. Не печалься: двух помощников тебе даю.

Явление второе.

(Богиня Вод вышла из пещеры, протянула руки к небу и после её зова с неба облако сорвалось, приблизившись к Грому, и ветерок всех обдул.)

Б о г и н я В о д. Легкое облако! Ветер быстрый! Придите ко мне, на помощь Грому! Вот Облако молодое, садись на него вместо коня. На нём ты Землю облетишь в поисках кузнеца. А это Ветер быстрый, он будет вам в дороге помогать.

Г р о м. *(Садясь на Облако)* Погибель ты готовишь людям и помогаешь им. Как тебя понять? За всё спасибо! *(Кланяется. Затем Ветром уносится вдаль).*

Действие пятое

Явление первое

(Через моря и горы летит Гром, и вот в селении одном кузницу приметил. Подлетает. Сходит с облака. Подходит к кузнецу.)

К у з н е ц. Что за чудо? Ты дух, аль человек? Как на облаке летаешь?

Г р о м. Я тебе расскажу потом. Сначала ответь мне: можешь ли ты выковать меч необычный, чтоб мог разрезать он незаметное простому глазу, тучу разрубить или невидимые нити, богами сотканые?

К у з н е ц. Давно мечтал выковать такой. Но времени не хватало, да и не нужен он был никому.

Г р о м. Выкуй для меня, прошу!

К у з н е ц. Сейчас же и начну.

Г р о м. Но мне нужны два таких меча!

К у з н е ц. Два?! Эко дело... О, а ты сигай на облако своё и мчись в соседний город. Найди там брата меньшего маво, в кузнице, за площадью базарной. Парень он мастеровой, там знают все его. Сработает он меч второй.

(Гром садится на Облако, улетает. Кузнец провожает его взглядом и принимается за работу.)

Явление второе

(Гром летит над городом. Подлетает к кузнице. Прохожие пугаются, разбегаются. Кузнец остановил работу, стоит, смотрит.)

К у з н е ц, м л а д ш и й б р а т. Что за чудеса такие?

Г р о м. Я от брата старшего твоего. Просил он помочь. Мне нужно два меча необычайных, чтоб могли разрезать незаметное простому глазу, тучу разрубить или невидимые нити, богами сотканые. Брат твой начал ковать один из них. Второй он не успеет. Помогите, прошу, выкуйте меч второй!

К у з н е ц, м л. б р а т. Не делал никогда такого... Погодь, одна задумка есть. Но за успех ручаться не могу.

Г р о м. Попробуй, выкуйте, братец, молю!

К у з н е ц, м л. б р а т. Ну, ежели тебе очень надо.

Г р о м. Не только мне, всем. Если спасу невесту – все спасутся!

К у з н е ц, м л. б р а т. Уже приступаю!

Явление третье

(Идет сильный дождь. Гром мокрый карабкается в гору, за поясом у него два меча от братьев-кузнецов.)

Г р о м. Не успел к сроку. Боги уж начали мстить. Но, всё равно, найду невесту, к Радуге доберусь!

Действие шестое

Явление первое

(Гора трясётся, трескается. Из трещины вытекает чёрный дымок. Невидимый Злой Дух говорит с Громом приятным женским голосом.)

З л о й Д у х. Гром, красавец, я тебя ждала. Куда идёшь? Оставайся со мной! Иди в мою пещеру. Там ты спасёшься и мы с тобой дружно заживем вдвоём.

Г р о м. Кто здесь? Где Радуга?

З л о й Д у х. Я красивей Радуги, иди в пещеру, там увидишь, как я хороша. Иди ко мне, если тебе жизнь дорога!

Г р о м. Сладкоречивая, оставь меня! К невесте своей иду я!

(Гром сквозь дождевую завесу увидел Радугу, она протягивала к нему руки. Гром подбежал к ней, а видение растаяло, но возникло в другом месте. И так несколько раз. Гром в растерянности.)

З л о й Д у х. Тебя зовёт прекрасная женщина, а ты гоняешься за миражами!

Г р о м. Может ты и прекрасна, хоть я тебя и не вижу. Но я люблю свою невесту и мне нужна только она!

З л о й Д у х. Ха-ха-ха. *(Раздался злоеущий смех и грубый голос.)*

Ты хочешь помешать мне заполучить миллионы умерших душ! Не выйдет! Пока ты гонялся за призраками и слушал меня, ливни затопили селения и города!

Г р о м. Где ты? Я убью тебя!

З л о й Д у х. Ты не увидишь меня! И скоро сам погибнешь вместе с другими! Ха-ха-ха.
Г р о м. О, Боги, жальтесь! Время истекает, вода землю заливает! Бог Вселенной!
Богиня Вод, помогите мне увидеть того, кто со мной играет!

(В этот момент дождь над Злым Духом прекратился, и Гром увидел мерзкое чудовище с огромной пастью.)

З л о й Д у х. Ливневые струи, закройте меня!

(Он в панике. Куда бы Злой Дух ни перемещался, везде над ним дождь прекращался.)

Г р о м. Ты жаждешь смерти людей, но мои мечи лишат жизни тебя!

(Гром бросился на чудовище, замахнулся двумя мечами и рассек его на четыре части, которые рассыпались в прах.)

Действие седьмое

(Гром добрался до вершины горы, увидел свою невесту. Она стоит под проливным дождем, красивая и несчастная. Её удивительные разноцветные волосы, словно мокрая сверкающая накидка, наброшенная на голову, плечи и спину. Гром хочет подойти к ней.)

Явление первое

Р а д у г а. Не подходи, любимый, – можешь попасть в сети невидимых нитей и сгинешь вместе со мной.

Г р о м. Я вижу их!

Р а д у г а. Чудесно это! Но всё же уходи, оставь меня. Беги, спасайся! Я буду умирать с надеждой, что ты жив остался!

Г р о м. Нет, любимая моя! Пол Земли я облетел, чтобы тебя спасти и – уйти – никогда! Мы будем жить или умрем вместе, но сначала я попытаюсь тебя спасти. Иначе, зачем же я пришел сюда?! Вот, смотри, у меня два меча!

Р а д у г а. О, мой дорогой! Ты надежду хрупкую в моём сердце возродил. От всей души желаю, чтобы ты победил!

(Гром осмотрел нити, не дотрагиваясь до них. Потом стал перед ней, замахнулся обоими мечами, и по нитям со всей силы ударил. Раздался раскатистый грохот, полетели кривые и извилистые искры! Нити лопнули, тучи в испуге стали разбегаться. Одна из нитей запуталась в роскошных волосах Радуги.)

Р а д у г а. Ай, больно, меня уносит!

(Гром тут же отсёк запутавшийся локон. Радуга бросилась в объятия Грому. Тучи расходятся в разные стороны всё дальше и дальше, очищая голубое небо.)

Явление второе

(Гром обнимает Радугу, она прижимается к нему. На голубом небе раскинулась цветная дуга – радуга)

Г о л о с з а с ц е н о й. И вот, солнечные лучи коснулись неба и земли, и локон Радуги из семи разноцветных волосков засверкал дугой. С тех пор огромные тучи хранят память о мужественном Громе и доброй и прекрасной Радуге. Поэтому во время грозы гремят раскаты грома и брызжут молнии. А после неё появляется радуга.

3—5, 24 ноября 1998 г.

Давай меняться!

Давным-давно случился великий мор, поэтому старик, что жил на окраине села лишился всех своих родных. Одиночество его разделяли, лишь чудом выжившие: рыжий щенок, чёрный телёнок и белый котёнок. Жили они дружно, помогая, и утешая друг друга.

Телёнку очень нравилась нежно-белая шелковистая и пушистая шерсть котёнка. Вот телёнок и уговаривал его поменяться шкурами. Просил, просил, да и уговорил котёнка. Скинули они свои шкурки. Котёнку телячья кожа оказалась велика, попробовал он пройтись и упал.

– Возвращай мне мою белую шкурку, не нравится мне твоя, неудобно в ней!

– Подожди, ты в моей посидел, а я в твоей ещё не успел. Она такая красивая, пушистая и мне очень хочется её поносить, – взмолился телёнок.

И котёнок согласился подождать. Радостный телёнок стал натягивать кошачью шкуру на себя. Заскрипела, заскрежетала она и лопнула в нескольких местах. И телёнок, и котёнок горько заплакали над испорченной красотой.

– Не печальтесь, – сказал щенок им. – Лобастый, – обратился он к телёнку, – дай своей шерсти на заплаты, да я немного добавлю своей. И станет наш друг красивей, чем прежде.

Так они и сделали. И стал кот с чёрными и рыжими полосами.

Через некоторое время телёнок стал упрашивать второго своего друга поменяться шкурками, ведь густая, мягкая и бархатистая шерсть щенка ему тоже очень нравилась. После долгих уговоров щенок согласился. В пору пришлось обе шкуры и стали они так жить: телёнок в шкуре щенка, а последний носил телячью с чёрной гладкой шерстью.

Старику его питомцы не рассказали, что обменялись шкурами, а он совсем стал плохо видеть, от слёз горячих глаза испортились. И думал, что не только зрение теряет, но на старости лет и ум. Всё у него перепуталось. Бывало, понесёт сено в хлев телёнку, а видит там рыжую шерсть щенка.

– Что ты, Шарик тут делаешь? А, где Лобастый? Пошёл отсюда, иди, сторожи дом!

А «пёсик» тянется к траве и с удовольствием её жуёт. Или увидит во дворе «Шарика», бросит ему косточки, а тот равнодушно отворачивается. Придёт к нему щенок, крутится возле стола, залезет под лавку, а старик думает, что это телёнок и выпроваживает его из избы, да приговаривает:

– На дворе тепло, иди, пощипли травку. С Шариком и Пушком поиграй.

Так прошло около трёх месяцев. Надоела щенку такая жизнь, косточек от старика не допросишься. Он всё норовит их телёнку отдать. Но тот молодец, не ест их, Шарикку прячет, а сам на траве вон какой вымахал. Вот и пристаёт щенок каждый день к телёнку:

– Лобастый, а Лобастый, давай обратно меняться, хочу опять свою шкуру носить.

Телёнок упирался, упирался, но, в конце концов, сдался. Скинули они шкуры и стали меняться. Натягивает свою прежнюю кожу телёнок, а она мала, хоть щенок подрос, но гораздо меньше телёнка. Порвалась его шкура, разошлась широкими трещинами. Котёнок на выручку пришёл, начесал своей шерсти, в основном белой и отдал телёнку, и тот с тех пор стал пятнистым.

А щенок надел свою шкуру и расстроился, велика, растянул её телёнок. Эластичная кожа сложилась мягкими складками. Котёнок и телёнок утешали своего друга, ведь такой шкуры, которая была бы больше своего хозяина, ни у одной собаки нет.

– Ну, Шарище-Шарпеище, какой ты огромный, необычный пёс, как тебя много, – повторял телёнок, глядя на щенка в растянутой шкуре.

Он иногда, когда волновался, заикался и поэтому вместо Шарик – Шарище произносил нечто вроде Шарп-Шарпище-Шарпеище.

Рос щенок, росли и складки на его шкуре. Постепенно искаженное имя Шарика приклеилось к нему, и с тех пор его потомков стали называть Шарпеями.

Так по вине телёнка изменился внешний вид котёнка, щенка и его самого. А хозяин и не заметил, совсем плохо видеть стал старик.

22, 25 сентября 2000 г.

Оурик

В былые времена существовал в тёплом море материк. Там жили различные племена и имели разные имена. Но теперь уже все забыты, кроме одного. Атланты.

У Лианель и Тыньча родился уже третий ребёнок, но первый сын. Родители дали имя ему Оурик, что на их языке означало «вперёд идущий». Оурик принадлежал ко второй подрасе атлантов. Они себя считали такими же созданиями природы, как и всё то, что их окружало. И как истинные дети матери-природы они пользовались её дарами, в мыслях не допуская своеволия с ней или тем более нанесения вреда.

Родители Оурика жили в посёлке, похожем на сад. Скорее поселение было больше садом, чем посёлком. Жилища – группа деревьев, растущих по окружности или, как бы по контуру гигантского листа. Они были различной формы и ширины в зависимости от количества членов семьи. Со временем стволы и ветви, разрастаясь, заполняли пустые места. Такие жилища, стены которых были полны жизненной силы, хорошо укрывали от непогоды. Кровля представляла – также переплетённые ветви. Жилище представляло собой уникальное творение природы и человека. Буквально со стен и крыши собирали плоды в пору их созревания и наслаждались благоуханным запахом в пору цветения.

После того как у Лианель и Тыньча родилась вторая девочка, Тыньча посадил семена и саженцы, которые образуют со временем «пристройку» к их «дому». Теперь девочки уже подросли и могли сами плести, отец их учил, показывая, как правильно переплетать веточки молодых деревьев. Дочери запоминали увиденное и услышанное на всю жизнь, как и все атланты. Подрастая, они самостоятельно могли «строить» свою «комнату», чтобы играть в ней и жить.

Когда же родился Оурик, то Тыньча посадил семена и саженцы отдельно от их общего дома. В пять лет Оурик помогал отцу пересаживать, подсаживать саженцы, чтобы «дом» получился удобнее.

Однажды, когда Оурику исполнилось девять лет, он, как всегда под управлением отца, умело переплетал ветви молодых деревьев, чтобы они стали живой стеной и кровлей. Тыньча сказал сыну:

– Теперь ты будешь каждый день сюда приходить и переплетать ветви, присматривать за своим домом. Ты уже усвоил мои уроки и совсем скоро станешь обходиться без моей помощи. На это занятие у тебя будет уходить не так уж много времени, поэтому успеешь познать много другого. Ты будешь подрастать, и дом твой будет расти. Когда придёт время жениться и обзавестись семьёй, у тебя уже будет готов свой дом.

С четырнадцати лет Оурик начал осваивать полёты на воздухолёте – так атланты называли свои летательные аппараты. Воздухолёты были обычно одно- и двухместные, не превышавшие четырёх метров в длину и полутора метров в ширину (при переводе на привычное для нас измерение). Они переносили атлантов и их грузы небольшими партиями на малые и дальние расстояния и имели форму зерна. Походили на пшеницу, ячмень или овёс. Атланты перемещались в пространстве на воздухолётах без двигателей и механизмов. Средства передвижения соорудили из того, что давала природа. Живая энергия воздухолёта соединялась с энергией пилота, обладающего, как и все атланты, необычной способностью использовать энергию природы в своих целях, не уничтожая её.

Перед тем как сесть в свой воздухолёт, Оурик на короткое время как бы погружался в особое состояние. В этот миг он себя ощущал крохотной частичкой огромной Вселенной и в то же время чувствовал в себе энергию всего существующего в мире. Умело, направляя мысленно эту энергию, Оурик заставлял воздухолёт двигаться в нужном ему направлении.

У атлантов его эпохи эта способность была врождённой, и по мере их взросления старшие учили виртуозно использовать её на пользу атлантов и не во вред природе.

У атлантов было неписаное правило: выходя из дома на прогулку или по какому-либо делу, срывать стебелёк или травинку, класть её в рот и слегка пожёвывать. Это мешало быть излишне болтливым, способствовало сосредоточению.

Оурик с неизменным стебельком в зубах гонял на воздухолёте, едва касаясь верхушек деревьев. Его сопровождали друзья-соседи. Они не празднично озорничали, а отправились в соседнее селение по поручению старейшины.

В родном селении Оурика собрали богатый урожай майопи. Из его волокнистых плодов женщины наткали много тканей. Оурик с друзьями должен был обменять излишки ткани в соседнем селении на орехи и кукурузу. Селения находились на большом расстоянии друг от друга, да ещё на пути гора, которую надо обогнуть. Перевозка всего груза заняла бы несколько дней. Чтобы сократить количество перелётов, Оурик придумал вот что: к каждому двухместному воздухолёту с пилотом и грузом он привязал лианами по воздухолёту, наполнённом тканями.

Во главе каравана находился воздухолёт Оурика, к нему привязано два грузовых параллельно. К каждому из них – по воздухолёту с грузом и пилотом, а к ним по грузовому воздухолёту и так далее. Таким образом, Оурику и его компании удалось за один перелёт перевезти груза в три раза больше обычного. Односельчане и те к кому они прилетели, были ошеломлены – такого не бывало. Дело в том, что атланты той эпохи при всех своих необычайных способностях были лишены логического мышления. И на протяжении всей своей жизни делали только то, что когда-то видели или слышали. Обладая колоссальной памятью, они лишены были также и изобретательности. То, как перевёз груз Оурик, никто никогда не делал до него. И поэтому на него стали смотреть как на избранного богами. К его советам стали прислушиваться старейшины, даже из других селений приезжали проконсультироваться с ним. Оурик заметил почтительное отношение к своей персоне, ему понравилось купаться в лучах славы. И с тех пор он старался отличиться от других и приветствовал тех, кто брал с него пример.

Оурик – «вперёд идущий», но куда он привёл? С каждым новым поколением атланты становились более и более изобретательны, но и надменны, самолюбивы, всё меньше и меньше любили и берегли природу, холили и нежили себя, презирали жителей других материков, ставя их умственные способности ниже своих. Что из этого вышло? Видимо, с Оурика началось испытание для атлантов, ниспосланное богами. Атланты его не выдержали. Пытаясь уничтожить презираемых ими, они уничтожили себя.

Октябрь 1996 г., 10—12 июня 1997 г.

Енисей

Тихо и нудно текли бесцветные воды безымянной речки. Иногда от скуки она гоняла ленивых рыб или закручивала водовороты, но это развлекало не долго, и снова ею овладевало томление, которое перерастало в раздражение, и она била волной о берег, подтачивая его, потом, утомившись, погружалась в дрему, и казалось, что вода в реке застыла и течение остановилось. Но и спать ей тоже надоедало, но чем же заняться? По поверхности пробегала рябь, потом появлялись всплески, река негодовала, куда течь, к чему стремиться? Вот так в нелепой борьбе неизвестно с кем проходило бесчисленное множество дней и ночей.

Однажды река увидела людей, которые поселились недалеко от неё. Наконец-то нашлось занятие, наблюдать за ними. Только она не могла определить радоваться или нет из-за их прихода. Люди подходили совсем близко и бросали в воду палки с острым концом, а потом с радостными криками доставали, и на них трепыхались серебристые рыбы. Река не возненавидела людей и не жалела рыб, которых в её водах обитало видимо-невидимо. Она только не могла понять их радости. Постепенно их веселье от удачного улова передавалось и ей, и от этого люди стали нравиться. Она следила за ними с любопытством и благодарностью, потому что, наконец, отстала скука, и довольная река плавно колыхалась в каменном русле.

Особенно река старалась не упускать из вида одного юношу. Он всегда метко бросал своё копьё и всегда пронзал им бедных рыб, при этом так задорно выкрикивал, что реку заражал своей весёлостью. Она даже сгоняла рыб к нему, чтобы ещё и ещё услышать его победный возглас и возликовать вместе с ним.

Шло время, каждый день люди приходили к реке, кто рыбу ловить, кто искупаться, кто воды набрать, дети играли на берегу, и река привыкла к ним, повеселела, живей бежали её воды, которые стали прозрачнее, а в солнечных лучах сверкали, словно россыпь алмазов, а в лунных – отливали серебром.

Но приятнее всего реке видеть среди других Енисея, так окликали полюбившегося ей юношу. Когда он приближался к реке, она, то замирала, и казалось, небо упало на неё, и прибрежные деревья и кусты тоже, то вдруг оцепенение исчезало, и она билась о берег, пытаясь дотянуться до возлюбленного. Когда он приходил ловить рыбу, она пригоняла для него косяки. Когда он купался, она приникала сначала к его стопам, потом обнимала ноги, затем ластилась, обтекая вокруг него, трепеща от восторга. Когда он выходил из воды, она не хотела его отпускать, подбрасывала ил, чтоб ноги увязли, но он всё равно уходил, и тогда река спрашивал себя: «Неужели у меня нет силы, чтобы его удержать?» Ей нравилось смотреть в его глаза, всегда манящие. Она видела в них зелень своих берегов, глубинную тьмоту своих омутов, голубую бездонность неба и других людей, тоже желанных, но не столь любимых.

Бывало, Енисей по несколько дней не появлялся, и тогда печаль морщинами ряби ложилась на неё. Хотя она давно не скучала, ведь беспрестанно кто-нибудь копошился на берегу и у воды. Но, если он, желанный был рядом, то других ей и не надо. А в это время Енисей вместе с соплеменниками ходил на охоту в дальний лес.

Река стала замечать, что среди людей Енисей уделяет больше внимание одной девушке. По вечерам она часто видела их на берегу. И улыбался он уже не реке, когда она брызгами обдавала его, а девушке, и в его глазах она видела её. И река удивлялась, что приходит он к реке не для того, чтобы поиграть, порезвиться с ней, но с этой девушкой.

Река насторожилась, притихли её воды и потемнели от грустной думы, она стала бояться, что девушка уведёт Енисея от неё.

Только из-за горизонта показался багровый краешек солнца, на который надвигались огромные тёмные тучи, заполонившие почти всё небо, а Енисей уже наловил рыбы и решил освежиться. Он окунулся в чёрные воды и поплыл, как обычно к середине реки. Вдруг он почувствовал сильное подводное течение, которого раньше никогда не ощущал. Течение стремительно набирало силу и уносило Енисея. Он развернулся и попытался плыть обратно, но течение мешало, и он почти не приближался к берегу. Уже его селение скрылось из вида, а его несло и несло, а вода становилась холоднее. Енисей недоумевал, почему спокойная река взбесилась? Почему прохлада её вод не бодрит, а студит?

Пасмурный синевато-серый день навис над мрачной колышущейся рекой с копошащимся в ней человеком. Енисей продолжает бороться, но его силы забирает течение, увлекая не только дальше, но и глубже в толщу, в неведомую пучину.

Тонюсенький солнечный лучик просочился сквозь крохотный разрыв между сизыми клубами туч, задрожал и истаял.

Померк белый свет и для Енисея, он нёсся куда-то вглубь обессиленный и бездыханный.

Река уже не мечтала удержать Енисея, она жаждала слиться с ним, чтобы он стал ею, а она – им. Для осуществления своей заветной цели река употребила всю мощь водной стихии, и её страстное желание превратилось в необратимое заклятье. Но слияние столь разных существ не могло произойти без потерь, каждый из них безвозвратно лишился одной из важных составных своей сущности.

Енисей очнулся со странными ощущениями, будто он обнимает землю, питает растения, даёт кров рыбам и ракам, и во всём теле чувствовалась какая-то текучесть. Сначала он подумал, что это сон, проснётся и увидит своих родителей и свою милую суженую Туву. Но, когда он пытался встать, бурлила и всплескивала вода в реке. Когда он пытался побежать, стремительнее неслись воды реки. Когда же он понял, что случилось и от ужаса замер, течение воды остановилось. От случившейся с ним беды Енисей закричал, но вместо крика эхо повторило шум воды.

Люди на берегу нашли улов и одежду пропавшего юноши, и решили, что он утонул, ведь сегодня река сама на себя не похожа, то бьётся о берега, то затихает, то снова волны вздымаются, будто она хочет вырваться из неведомых оков. А наречённая Тува не могла поверить, что её возлюбленный Енисей, такой ловкий и сильный, теперь беспомощный лежит где-то там на дне. Но в шуме воды ей слышались знакомые нотки любимого голоса. Долго искала Тува своего жениха, долго бродила по берегу. Ей казалось, что течение реки бежит за ней, а в его всплесках чудились стоны Енисея, в журчании воды – горестные его вздохи. А однажды в ряби на поверхности реки она увидела скорбный лик своего любимого. Тува поняла всё, она застыла от страшного откровения, лишь слёзы лились из её прекрасных глаз.

Енисей снова взбунтовался против своей участи, он метался изо всей силы, но его подводное течение лишь перекачивало камни и валуны, нагромоздив пороги, а русло всё больше прорезало горные склоны, а на плоскогорье растекалось, образуя новые берега.

Несчастливая невеста окаменела, но её горе по-прежнему источало слёзы, из которых родилось озеро, воды которого слились со слезами отчаявшегося Енисея.

Прошло немало времени, сменилось много поколений, люди забыли канувших в лету юношу и девушку, они лишь видят прекрасные горы Тувы, а у их подножия красивейшее озеро, из которого вытекает речка, вбирая в себя другие потоки, могучие воды Енисея глубоко прорезали горные хребты. Он ещё бунтует, бурлит и клокочет, потом, обессилив, затихает, сверкая тихой гладью. «Большая вода», как называют реку, широко раскинула по равнине своё массивное тело. Енисей снова и снова вынужден смириться со своей судьбой.

Он постоянно рождается, но бесконечно живёт. Из слёз милой Тувы начинается долгое путешествие на север, куда выливаются и её, и его слёзы отчаяния, образуя огромное море. Енисей и Тува обречены на бессмертие, они всегда врозь и всегда вместе.

24—27 августа 2006 г.

Коварная Такла-Макан

Когда-то среди высочайших гор со скалистыми выступами и ослепительно-белыми холодными вершинами лежала манящая зелёная долина. Плодородная земля, обильно политая дождями, рождала густую и сочную траву. Обширная долина не знала суровых зим и безжалостного летнего зноя – горы не пропускали студёные ветры и суховеи. Здесь жил вольнолюбивый народ – уйгуры. Они не ведали голода и нищеты, ибо были богаты своими многотысячными стадами и табунами. Но не только отменными скотоводами слыли уйгуры, но также храбрыми воинами. А среди них самый ловкий и смелый – богатырь Лобнор.

Однажды с запада, с гор Памира в этот цветущий край спустился караван, который направлялся на восток за шелком, фарфором и бумагой. В долине же купцы намеревались приобрести скот себе на харчи, а потом облюбовали коней на продажу. Владелец каравана, богатый и известный в своей отчизне, чья память давно умершей любимой жены, был полностью во власти дочери, единственного своего чада. Девушка желала посмотреть чужие земли, и без усилий получила разрешение сопровождать отца. И вот они прибыли в зелёный и благоуханный край, который её очаровал. Понравились ей и воины – крепкие и ловкие, сильные и выносливые, но более всех – богатырь Лобнор.

И вот она поведала отцу, что хочет выйти замуж за Лобнора, из тех, кого ей удалось увидеть он краше и ловчее остальных.

– Дочь моя, Такла-Макан, желание твоё не осуществимо. Лобнор давно женат на красавице Тарим, а малышка Кончедарья – плод их союза и любви. Моё милое дитя, мы ещё немало достойных встретим, обрати взор на других.

– Нет, отец, не нужен мне другой. Надо подумать, как разлучить Лобнора с Тарим и Кончедарьей.

Владелец каравана вспомнил покойную жену, как похожа лицом и статью дочь на мать и, как различны их характеры. Наверное, свой нрав дочь унаследовала от деда, тот тоже был властный и упрямый, никто не мог с ним совладать.

– Твоё желание меня огорчает, – сказал и грустно вздохнул. Он попытался отвлечь дочь от её губительных мечтаний. – Такла-Макан, вот доберёмся до дальней страны, а она огромна, и увидишь, как её жители похожи друг на друга. Но, вот в чём штука, обычаи там отличаются не только от наших, но и меж собой различны, ибо племена хранят древние традиции...

– А, если случится здесь война, – вдруг задумчиво произнесла Такла-Макан.

– Император несколько раз пытался завоевать уйгуров, но ему не удалось одолеть отважных воинов во главе с Лобнором.

– Да-да, именно война. Отец, нужна война, тогда Лобнор будет мой.

– Что ты, доченька?! Как тебе это может помочь?! Поверь своему старому отцу, желая людям беды, сама несчастливой станешь. Выброси ты эту блажь из головы. Столько славных юношей, и для тебя найдётся достойный жених.

«Лобнор, только он мне нужен! С женой и дочкой его я разлучу. Не быть им вместе, я на всё пойду, никого не пощажу! Ни их, ни себя!», – решила Такла-Макан, а вслух кротко спросила:

– Отец, обратно мы пойдём этой же дорогой?

– Да, родная, а что?

– На прощанье хочу на обратном пути посмотреть на Лобнора.

Такла-Макан притворилась, что смерилась, а сама задумала недоброе. Отец и не подозревал, что дочь втихомолку увлеклась магией и здорово в ней преуспела. Наставником у неё был зороастриец, маг, которого нанял отец по просьбе дочери, как учителя астрологии.

Ум и смекалка юной ученицы его восхищали. И он с ней поделился заветными знаниями предков. Владел он многими тайнами и поведал их Такла-Макан. Перед своей смертью он передал ей свою силу и могущество над стихиями.

По просьбе дочери хозяин каравана устроил пир, куда созвал лучших людей края. Уйгуры хвалили доброту и неслыханную щедрость купцов. А Такла-Макан отослала подарки женам и дочерям старейшин и знаменитых витязей, дабы показать своё уважение к гостеприимным жителям долины. Провожая купцов в путь, уйгуры желали им удачи.

На привалах караван погружался в спасительный сон кроме охраны и Такла-Макан. Её страстные мечты были сладостней сновидений. В ночной тиши предавалась она воспоминаниям и видела перед собой Лобнора. Как великолепен он, скачущий на своём быстром коне! Как стремительно обгоняет витязей, оставляя их далеко позади, и попадает на ходу в глаз мчащейся косули! Как ловок и силен во время схватки воинов! А как он статен и красив! «Ах, как было бы замечательно, – думает Такла-Макан, – ласкать его могущий стан, ощутить объятья сильных рук, приникнуть к его сладким устам. О, желанный!», – и довольная улыбка делает ещё прекрасней её лицо. Она не сомневается, всё это исполнится наяву, потому что... «Я так хочу, – говорит она себе, – и так будет, так как не может быть иначе, ведь я не робкая куропатка Тарим, а владычица стихий Такла-Макан!». Юная колдунья уже познала силу своей красоты, перед которой в обожании склонилось немало мужчин. Но теперь, не знающая ни в чём отказа она натолкнулась на преграду, и в ней соединились: азарт борца, любовное влечение и стремление обладать предметом страсти. И не бывало, чтобы она отказывалась от желаемого.

Но вслед за милым образом славного воина всплывало в памяти кроткое лицо Тарим, благодарившей её за подарки и любопытные глаза малышки Кончедарьи. От трогательного вида ребёнка не таяло сердце Такла-Макан, потому что та хоть и дочь Лобнора, но от другой! «Да, Тарим сейчас рядом с ним!» – и удушливой волной прилиwała ревность, принося с собой ненависть к его жене, а заодно и к дочери.

Так оставшийся и обратный путь Такла-Макан изнывала то от сладостных мечтаний, то от разъедающей душу ревности и ненависти.

Караван благополучно добрался до двора императора. В его конюшни перебрались красивые и быстрые уйгурские скакуны.

Тем временем пока купцы выгодно сбывали свои и приобретали новые товары, Такла-Макан с помощью подкупа и магических чар проникла во дворец, и предстала перед очами императора.

– Властелин Поднебесной, я слышала, ты жаждешь покорить уйгуров. Я видела их край. Он достоин присоединиться к твоим владениям. Я могу помочь осуществить твоё желание, – непроницаемы как ночь были глаза Такла-Макан и холодна её краса.

Императору не понравилось, что чужеземка лезет в его дела. Но он не стал показывать своего гнева, притворился, что его тронула её забота.

– Милая девушка, неужели такое нежное создание сможет сделать то, что не удалось армии?

– А я и не буду вместо неё. Я скрою твою армию от глаз противника, и те не узнают, что к ним идёт враг. А ты, великий император застанешь врасплох уйгуров и одолеешь, не готовых к битве.

– Заманчиво. Но как ты спрячешь тысячи воинов?

– Их закроет туман.

– Откуда же он возьмётся?

– Я его создам.

– Юная дева знакома с магией?

– Да, повелитель.

«С нею надо быть настороже», – подумал он.

– Но как же армия будет идти в тумане? Как определит правильный путь и не собьётся с дороги?

– О, владыка, туман этот не простой. Это окружающие будут видеть туман, а воины, находящиеся внутри него и не заметят его, а всё вокруг увидят как обычно.

– Доказать свои слова ты можешь?

– Прикажи и телохранителей твоих скроет туман.

«Однако хитра, но напала не на простака».

– Я сам решу, кого тебе закрыть туманом, – властно и резко ответил император и слабым взмахом руки подозвал главного из телохранителей. Тот приблизился, поклонился, а император прошептал ему на ухо несколько слов. Охранник вышел из покоев, но вскоре вернулся со старым слугой.

– Вот его закрой туманом, – обратился император к Такла-Макан, указывая на старика.

Девушка кивнула, проговорила заклинание тихо, быстро и невнятно, взмахнула руками и ...на том месте, где стоял слуга, сгустился туман. Поражённый император встал и вместе с изумлёнными стражниками приблизился к туману, недоумевая, обошёл вокруг. Словно спустилось облако и сквозь клубы никого не видно.

– Лио, ты здесь, – недоверчиво император спросил.

– Рядом с вами, мой повелитель.

– Тебе что-нибудь видно?

– Всё, мой господин.

– Перечисли.

И слуга назвал и тех, кто находился в зале и все предметы.

– Открой его, – приказал император девушке.

И та опять произнесла заклятие тихо, быстро и невнятно, взмахнула руками, и ...туман исчез.

– Ещё можешь повторить?

– Сколько угодно, повелитель.

Император опять шепнул на ухо охраннику, и тот покинул покои. Император сел на своё резное кресло-трон, отделанное нефритом и перламутром, и задумался. Опасный ему попался союзник. Вернулся стражник, а вместе с ним пришли несколько человек, все слуги: мальчик, девушка, подросток, старушка, молодой мужчина и зрелая женщина. Император приказал Такла-Макан скрыть их туманом. Потом, когда чары рассеялись, он сказал ей, что подумает над её предложением и, когда решит, то известит. После её ухода император сам допросил каждого из них, подробно расспрашивая, что они видели, что чувствовали и ощущали. Прошла неделя, и он опять их вызвал, чтобы узнать, не стало ли им худо. Оказалось, что нет, всё как обычно. И тогда император приказал позвать Такла-Макан.

– Ты не сказала, что хочешь за услугу. Ведь не даром же ты вызвалась помочь.

– Мудрый повелитель, как всегда прав. Мне нужен Лобнор, самый смелый и отважный витязь уйгуров. Когда их победишь, отдай его мне.

– И только и всего?!

– Владыка, мне он необходим.

«Вот её слабость», – подумал император.

Над степным горизонтом встаёт багровое солнце. Его лучи озаряют склоняющиеся от ветра травы равнины, сверкают в каплях росы, золотят склоны далёких гор. Туда неспешно движется караван. В длинную цепочку выстроились навьюченные лошади. Они шагают размеренной поступью. К хозяину, который едет во главе каравана, подскочил с озадаченным видом его помощник.

– Хозяин, позади каравана какой-то странный туман, – сказал он.

– Почему странный?

– Он появился в день нашего отъезда и с тех пор, словно идёт за нами.

– Почему ты так считаешь?

– Хозяин, туман ни приближается, ни удаляется, ни исчезает, а словно на определённом расстоянии следует за нами.

– А тебе не могло показаться?

– Нет, и слуга мой может подтвердить.

– А, что если это вовсе и не туман, а пыль от тысяч ног, армии, которая идёт по нашему следу в долину уйгуров?

– Нет, хозяин, это не пыль. И ни одного человека не видно. Только густой туман.

– Да-а, странно. Предупреди погонщиков и всех в караване о странном тумане, чтобы в случае чего могли быть готовы к бою.

Караван прошёл степь, вступил на горные тропы, а туман вдали от него всё продолжал стелиться длинным размытым хвостом, теряясь за горизонтом.

До уйгуров дошла весть, что возвращается караван и те, кто остался в селении готовились встречать желанных гостей. Большинство же воинов-скотоводов находилось со своими стадами и табунами, которые паслись на огромных просторах долины.

Хозяин каравана намеревался пробыть в долине несколько дней, чтобы дать отдых людям и лошадям, да и кое-какие товары обменять. Но дочь ему сказала, что заболела и просила отца отправляться в путь поскорее. На самом же деле Такла-Макан не собиралась возвращаться в отчизну, а хотела остаться тут с Лобнором.

Такла-Макан приказала своей служанке купить уйгурскую одежду. А когда та хотела уложить вещи хозяйки, ибо на рассвете караван должен был отправиться в дорогу, Такла-Макан запретила, более того, она ей объявила:

– Я никуда не еду, и ты остаёшься вместе со мной. И никому ни слова!

– Но, как же госпожа? А ваш батюшка?

– Он тем более не должен знать! Уедет вместе с остальными без меня.

– Но хозяин будет беспокоиться!

– Да, наверняка. Сначала я хотела в записке всё ему рассказать. Но потом поняла, что он пошлёт слуг забрать меня силой, и я буду вынуждена тогда... В общем, так только хуже. Поэтому пусть не знает где я.

– Но, госпожа! Ваш отец станет горевать!

– Скорей всего.

– Избавьте его от печальной участи. Госпожа, он так вас любит и заботится всегда. Не покидайте отца и утешьте его старость.

– Ну, хватит, ничтожная раба! Слишком ты разговорилась. Если вздумаешь ослушаться, пожалеешь! Ты меня знаешь...

Перед тем как караван тронулся в путь, Такла-Макан в предрассветных сумерках сбежала.

Погонщики обратили внимание, что туман больше не преследует караван, и с облегчением удалялись всё дальше, не ведая, что творилось в долине после их ухода.

А уйгуры, проводив караван, скрывшийся за отрогами гор, ужаснулись, ибо обнаружили, что в долину вторглось несметное войско. Уйгуры бились отчаянно. Но разве может россыпь устоять против внезапного и сплочённого натиска.

И вот в шатре Такла-Макан стоит связанный Лобнор. Немало воинов императора лишилось жизни, чтобы захватить его в плен. Но почему у Такла-Макан тревожно на душе? Почему не ощущает она ликования, что Лобнор теперь её? Почему когда она смотрит в его хрустально-синие глаза, у неё нет уверенности, что борьба закончена? Что мешает ей радо-

ваться и насладиться своей победой? Может быть то, что читает она на его мужественном лице, во взгляде его прекрасных глаз? Многознающей Такла-Макан не обязательно слышать то, что он может ей сказать. Она без слов понимает, что он наполнен скорбью за своё племя, страданием и тревогой за родных и ...презрением к ней, предавшей гостеприимных уйгуров. И никогда он не переменится к ней. А ей нужна была его любовь. Так что значит всё напрасно? Не совсем. Ведь он разлучён с женой и дочерью, печалится и страдает без них. «Ну, что же, – решила Такла-Макан, – если он не желает быть со мной, то я не позволю ему быть с другой. Не в моей власти заставить его любить меня, но в моей власти обречь его на одиночество. На вечное одиночество! И пусть я сама сгину, но соединиться ему с любимой не дам».

Ночью Такла-Макан со слугами перевезла Лобнора подальше от селения, где остались пленённые Тарим и Кончедарья, в центр долины. Отпустила слуг и, когда те скрылись, произнесла магическое заклятие.

Утренняя заря рассеяла тёмный покров ночи. Солнечные лучи скользнули по долине и ...заблестели в голубых водах озера, берега которого обнимали пески пустыни. Это Такла-Макан держала в своих объятьях Лобнора. Став озером Лобнор не перестал презирать Такла-Макан, ему была противна её близость. Он тосковал без дочери и жены. Его воды терпеливо искали проходы под песками.

А Тарим и Кончедарья узнали об участии Лобнора и горько плакали, ведь они заперты, и им уже не встретиться с ним. Тарим так любила Лобнора, что жизнь без него ей не мила, а Кончедарья обожала родителей и хотела, чтобы они, как и раньше были вместе. Родная Долина, куда падали слёзы жены и дочери славного витязя пожалела их. К сожалению, превратить Лобнора в человека она не могла, но ей под силу было иное... Долина превратила Тарим и Кончедарью в реки, и те помчались искать Лобнора. А он всё-таки нашёл проход, и однажды пески Такла-Макан обнаружили, что обнимают впадину, покрытую слоем блестящей соли, то были высохшие слёзы Лобнора, пролитые в разлуке с женой и дочерью. А Лобнор перетёк под песками и там где их слой тоньше, просочился и к нему с ликованием устремились Тарим и Кончедарья. Но недолго длилась их радость. Такла-Макан, насыпая свои пески в поисках пропавшего Лобнора, нашла счастливую семью и насыпала барханы, не давая Тарим и Кончедарье подойти к озеру. Тогда они снова принялись искать выход под песками вездесущей пустыни. Так с тех пор и повелось. Тарим и Кончедарья стремятся к Лобнору, а он – к ним. А Такла-Макан засыпает реки, обхватывает в свои объятья озеро, а оно исчезает, вырываясь от неё, и появляется в разных местах обширной пустыни, где встречается с Тарим и Кончедарьей. Уже много веков ищут друг друга Лобнор и Тарим с Кончедарьей, много веков они убегают от наступающих их песков Такла-Макан.

24, 27 февр., 13,15, 21 марта, 11 июля 2005 г.

Древний Египет

Клочок папируса

Экспедиция в нынешнем году в Египет прошла успешно, много ценных экспонатов найдут достойное место в коллекциях музеев. Но Сергея Викторовича, профессора археологии, знаменитого египтолога и руководителя этого научного похода к древним гробницам фараонов больше всего занимало содержание папируса, полуистлевшего, но на котором ещё можно разобрать знаки древнего писца. Вот текст, который ему удалось расшифровать и прочесть нам, своим коллегам.

Жаркое полуденное Солнце подсушивало ещё влажное чёрное поле.

– Земля подсыхает, скоро будем сеять, – недовольно проворчал Раби, потому что знал, приближаются тяжёлые деньки изнурительной работы под палящими лучами.

– Да, Раби, – с сочувствием выдохнул я. – Жизни землепашца завидовать нельзя. Но, если бы не ты, твой отец, дедушка и другие, то что бы мы ели? Утешься сознанием важности своего труда и радуйся хорошим моментам, таким, как сейчас.

– Тапет, а я завидую тебе, – Раби говорил немного грустно. – Да, да не удивляйся, а Гамех и Наху пусть не обижаются на мои слова. По-моему ты из нас самый умный и мне жаль, что покинешь нас после распределительного смотра. И чуть-чуть завидно, что ты узнаешь то, что нам никогда не увидеть.

Эти слова кольнули меня в сердце и легли тяжестью в груди, они напомнили мне, что решающий день неумолимо близится.

– А почему ты решил, что он уедет? – искренне удивился Гамех.

– Не знаю, мне так кажется, – ответил с заминкой Раби, слегка смущаясь.

От слов своего друга детства Наху побледнела, а мне стало не по себе, мы оба ожидали распределительный смотр со страхом и, маясь неизвестностью. Я боялся, что меня отправят на работу в другое хозяйство, и тогда придётся расстаться с родителями, которые так заботливы и ласковы со мной; уехать от моей любимой подружки Наху, которую даже один день не видеть и не слышать для меня невыносимо; покинуть моего взрослого друга – мудрого и доброго жреца Сетху – для меня горькая потеря. А Наху! Я знал, что она тоже боялась разлуки со мной от того, и блеснули на её густых ресницах слезинки. А глаза! Ах, эти глаза, цвета сушеного финика, как они прекрасны. Я обязательно сделаю её большой портрет!

Немного успокоившись, Наху тихо произнесла:

– Моя мать сказала, что в храм приехали чужие люди.

«Уже! Так скоро!» – в отчаянье я чуть не крикнул, но я не хотел, чтобы мои друзья жалели меня. Я надеялся, что Боги услышат мои молитвы и оставят меня здесь и прикажут помогать Сетху. О, как бы я был тогда доволен и благодарен им!

Мы уходили с поля, где через два дня на одной его половине будут сеять ячмень, а на другой – пшеницу-двузернянку. Я держал за руку Наху. Мне было хорошо, но и немного грустно.

Наступил решающий день! Но не только для меня, а для многих моих земляков. На смотре собрались все хемуу нисут² нашего храмового хозяйства. Распределению подлежали юноши, которые в этом году стали совершеннолетними и совсем старые, немощные

² хемуу нисут – основной слой трудящегося населения Древнего Египта;

работники. Люди, которых послал к нам сам фараон, нас, молодых заставили показывать всё, чему мы научились. Нам пришлось бегать, прыгать, состязаться в борьбе. А они отмечали, кто лучший, записывали имена. Потом с нами беседовали, в заключении мы должны были показать, как освоили какое-нибудь ремесло.

Мой отец работал в мастерской, где вырезали из дерева разные изделия для нужд храма или на обмен на рынке. Над каждой вещью трудились несколько ремесленников: один готовил бруски; другой переносил на них рисунок; третий срезал и отпиливал всё лишнее, делая заготовку; четвёртый вырезал скульптуру, статуэтку, ложку, в общем, то, что нужно. А уж пятый полировал и доводил вещицу до совершенства в соответствии с принятыми канонами. Я сызмальства помогал отцу в мастерской и мог рисовать и выпиливать, вырезать и полировать. Но в глубине души я мечтал стать жрецом. Мне хотелось проникнуть в тайны мистерий, быть таким же мудрым как жрец Сетху. Он не был главным жрецом нашего храма, но я знал – все прислушиваются к его словам.

И вот наступил срок, и представители фараона должны были объявить своё решение. Нас всех собрали опять. От волнения мои ладони стали мокрые, а сердце учащённо билось. Что меня ждёт? Что они решат? Кто из нас с этого момента и до конца жизни станет ремесленником? Жрецом? Землепашцем? Работником шнау³? Пастухом? Садовником? Огородником? Рыбаком? Птицеловом? Кравчим? Воином? Певцом? Танцором? Музыкантом? Бродобреем? Учителем?

Я слушал о других не совсем внимательно, со страхом ожидая, когда назовут моё имя. Девятнадцать человек назначили воинами и забрали в войско. Старого дедушку Гамеха перевели из землепашцев в привратники в соседнее храмовое хозяйство...

– Тапет, сын резчика Хевера назначается рисовальщиком и резчиком в царскую мастерскую, обслуживающую фараона!

Уехать! Уехать так далеко от родных, от Наху, от Сетху! Слёзы неудержимо полились из глаз, но не только моих. Плакала моя мать и Наху, ведь нам предстояла разлука. Глаза отца тоже увлажнились, но не только от скорого расставания, а и от гордости за сына.

Я пришёл к Сетху прощаться.

– Как несправедливо! Зачем должен ехать я?! Разве здесь резчики не нужны? – сквозь слёзы бормотал я.

– Тапет, сынок, успокойся ты же разумный мальчик. Нет, теперь ты уже мужчина, будешь жить самостоятельно, и отвечать за свои поступки. Первое время тебе будет тяжело, одиноко без родителей и близких. Потерпи. Я знаю, что ты мечтал стать жрецом. Но пойми, то, что человек хочет, не всегда следует делать. Богам виднее.

– Но распределяли не боги, а люди! – возразил я.

– Они исполняют волю фараона, а он наместник богов. Перераспределять работников царства – это мудрое решение. Люди назначаются на те работы, которые ими лучше выполняются, и на которые у них есть сила и умение. Это делается исходя из нужд царства, то есть, кто и где наиболее нужен. Благодаря ней в стране сохраняется порядок: возделываются поля, строятся дороги, возводятся постройки, прославляющие фараона и нашу родную страну.

– Но Сетху, разве плохо станет, если работы будут выполнять только те, кто именно хочет их делать?

– О, мой мальчик, ты ещё молод и не знаешь, что есть люди, которые совсем не хотят трудиться и их немало.

– Но, если они не будут работать, на что они купят или обменяют еду? Как они прокормят себя и семью? Как они получают масло, которое спасает от палящих лучей их кожу? Где возьмут одежду? Где им спать?

³ шнау – специализированное пищевое производство.

– Поэтому в стране Кемет все работают, все и богатые, и бедные имеют и выполняют свои обязанности. Тапет, не воспринимай своё назначение как наказание, только как разлуку с твоими родными и близкими. Ты умный и способный мальчик, и слуги фараона это поняли, поэтому и выбрали тебя. Из всего нашего хозяйства только ты удостоился этой чести. Ты будешь работать на фараона и на изделиях сможешь вырезать своё имя. Если тебя будет уважать и ценить начальник за твоё мастерство и прилежание, то, возможно, разрешит навестить своих родителей и своего старого друга, – Сетху обнял меня, его стриженная и умащенная маслом голова склонилась мне на грудь, по старым и сморщенным щекам текли слёзы.

Я тоже плакал. Сетху относился ко мне, как к сыну, и теперь я должен его покинуть, быть может навсегда, так же, как и своих родных и Наху. Мне почему-то казалось, что встретиться с ними уже не удастся. Было грустно. Что меня ждёт? Кого я там встречу? И ещё огорчение приносила моя несбывшаяся мечта – мне уже не быть жрецом...»

О дальнейшей судьбе Тапета мы можем лишь догадываться, потому что оставшаяся нерасшифрованной часть папируса настолько хрупка, что рассыпается от прикосновения, да и знаки там практически не видны.

4, 5 мая 1999 г.

Древняя Греция

Переселение

I

Взрыв сверхновой

В горах Северной Греции дорийские племена пасли скот. Ни кто, ни они, ни их соседи уже не помнили, откуда они пришли. Многие их поколения кочевали среди этих невысоких гор покрытых густой кроной акаций и каштанов, могучими платанами и стройными соснами. В тени деревьев совершенно не ощущалось знойное дыхание летнего солнца, а зимой они спасали от порывов ветра. На склонах и в долинах росла сочная трава, а кое-где и дикие злаки, которых вдосталь хватало на корм табунам и стадам. И если бы эти мирные кочевники, некогда поселившиеся в северных горах, продолжали дело предков, не помышляя испытывать свою судьбу и спуститься с гор, история Древней Греции была бы иной.

На горную страну Эпира опускалась ночь. Фессалийцы, ветвь феспротического племени, так же как и их соседи, дорийцы в небольших домиках укладывались спать. А в верхней долине реки Ахилой табунчики, расположившиеся возле догорающих костров, неспешно доедали ужин – сырные лепёшки и жареные каштаны, запивая их конским молоком. Ни кто из них не заметил, как одна едва заметная звёздочка вдруг ярко вспыхнула, её сияние всё усиливалось и усиливалось, а потом она также неожиданно исчезла, растворилась в космической мгле. А через несколько дней опять же никто не обратил внимания на солнце, да и зачем. Оно было ослепительно, как и прежде, вот разве что стало жарче, чем обычно и у многих болела голова, да кто будет придавать этому значение за каждодневными хлопотами.

Мирные и трудолюбивые фессалийцы и дорийцы не знали, не могли знать, что на Солнце бушевала буря. Его огненные недра клокотали, образуя всевозможные завихрения, они как воронки втягивали внутрь его пылающую поверхность, которая пестрела тёмными пятнами-провалами. Гигантские языки пламени-протуберанцы, длиной в сотни и тысячи километров извивались в солнечной короне и норовили оторваться в своей бешеной пляске от светила. И вот по раскалённому лику Солнца пронеслась огненная рябь, перемешивающая вещество его поверхности, закрывая тёмные пятна и открывая новые, которые беспрестанно пульсировали. И вдруг солнечная корона заколыхалась, будто от встряски, и огромный кольцеобразный протуберанец резко выпрямился с такой силой, что оторвался и понёсся прочь от Солнца, превращаясь в солнечный ветер. В своём стремительном беге поток его частиц достиг Земли и хлестнул её поверхность, словно гигантский кнут. Невидимый и неслышимый удар пришёлся на Северную Грецию, где обитали фессалийские, беотийские и дорийские племена, и которые почти ничего не ощутили, но этот удар породил энергию в ещё не родившихся детях, которой хватит на многие поколения.

Женщины, которые на тот момент, носили в себе новую жизнь, после, как обычно в определённый срок рожали детей, но их чада оказались более энергичные, более сильные, чем их родители. И от них уже родилось другое поколение, которое своей неуёмной энергией и жаждой деятельности уже не могло довольствоваться лишь тихими переходами с одного пастбища на другое вместе со своими табунами. Им не хватало масштаба, их гор-

ная страна с небольшими речными долинами показалась им мала, словно люлька для подросшего ребёнка. Их манил далёкий горизонт неизведанных земель, они чувствовали в себе силу, которой не находили применения дома.

По склонам гор потянулись повозки, нагруженные домашней утварью и скарбом, на которых сидели немощные старики, слабые старухи, малые дети, да утомлённые дорогой женщины, остальные шли и их горящие взгляды были устремлены вдаль, на обширную долину Пенея, где так буйствовала зелень рощ и лугов. Через проходы Пинда путь переселенцев лежал на восток.

С гор всё спускались и спускались племена, роды, многочисленные семьи. То короткими, то большими волнами захлёстывали они местное население, отвыкшее от войн и мирно существовавшее своими трудами. Бесцеремонным пришельцам понравились новые земли, которые они силой отбирали у тихих землепашцев. Но не все уступали напору чужаков, кто мог, сопротивлялся, а те, кто понимал свою слабость, но не хотел подчиниться, вынужден был искать приюта на чужбине. И население Северной, Средней Греции пришло в движение, происходило вынужденное переселение греческих племён.

Фессалийцы, эолийские беотийцы, арнейцы, дорийцы десятилетиями растекались с севера, захватывая всё новые земли, поработавшая и воюя, а где-то смешиваясь или прогоняя местное население.

Часть дорийцев на небольших, но вместительных судах переплыла Коринфский залив и продолжила завоевательное шествие на Пелопоннесе. Здесь они разделились вновь. Одни из них пошли в Мессению по узкой долине Алфея в Аркадии, а другие перешли лощину Эвротской долины с намерением покорить Лакедемонию. Там, где лощина расширялась и представляла собой живописную долину, дорийцы разбили лагерь. Но живших там ахейцев покорить оказалось нелегко. Население долины, обитавшее между Тайгетом и восточным кряжем гор, а также у склонов Парнона и прибрежной зоне боролось так долго, особенно укреплённый город Амикл, что временный лагерь воинствующих дорийцев вырос в город Спарту. Дорийцы оказались сильнее земледельцев северной долины Эвроты, считая ахейцев военнопленными, дорийцы-спартанцы присвоили их лучшие земли, разделив между собой. С тех пор эти ахейцы и их потомки назывались илотами и были низведены почти до рабского положения. Тех ахейцев, у которых земля была скудна и менее плодородна, дорийцы-спартанцы принудили платить дань. А ведь некогда ахейцы были сильны, решительны и дерзки, тысячелетие назад их предки тоже пришли в Грецию с севера и покорили трудолюбивый народ пеласгов, а впоследствии даже победили троянцев, но энергия предков истратилась в веках и теперь они вынуждены подчиниться более напористым и непреклонным дорийцам.

II

Спасение Аттики

Неугомонный, теперь уже воинственный дух дорийцев гнал их с завоёванных земель всё дальше. Небольшая часть из них покидала Лакедемонию и на судах отправлялась на восток на острова. Племена, гонимые дорийцами, фессалийцами и беотийцами, со всей Греции стекались в Аттику. С севера Пелопоннеса, с земель Аргоса и Коринфа дорийские цари вознамерились покорить Аттику. Несмотря на сопротивление, им удалось захватить Мегару, но на этом они не пожелали остановиться, и готовились к битве с афинянами, жителями главного уже тогда города Аттики.

Враждующие армии расположились лагерями по обе стороны реки Истм. Противники, по традиции ни одно серьёзное дело не начинали без совета оракула, поэтому отправили гонцов в Дельфы, им хотелось узнать, на чей стороне боги и каков будет результат битвы.

И пока вестники не вернуться объявлено перемирие. Посланники, обогнув с северо-востока Коринфский залив, добрались до Дельф. На следующий день их принял жрец храма Аполлона, завёрнутый в яркий и пёстрый гиматий крепкий седой старец с застывшим величием на лице.

– Через четверо суток настанет седьмой день месяца, тогда вы придёте со своим вопросом. Но прежде надо узнать, приятны ли вы Аполлону, для этого нужно пройти испытание. Завтра приведёте козу, и жертвоприношение решит, захочет ли Аполлон вам отвечать. Если испытание пройдёт успешно, то бросим жребий, чтобы установить очерёдность, а значит и время вашего прихода к оракулу, – после чего жрец подал знак рукой, отпуская просителей.

Посланники прибыли не с пустыми руками, с собой они привезли трёх коз и самую лучшую из них отвели на следующий день в храм. Жрец поставил козу на каменный жертвенник и стал лить на неё воду. Коза вдруг стала дрожать от рогов до хвоста. После возлияния жрец медленно закрыл глаза, и его величественное лицо тронула улыбка. Он радостно взглянул на просителей и изрёк:

– Вы приятны Аполлону и жертва ваша будет благоприятной! – жрец взял козу за левый рог и потащил её в дальнее помещение. Скоро он вернулся и предложил просителям тянуть жребий. Они оказались лишь вторыми в очереди.

Через три дня гонцы пришли в назначенное для них время. Их отвели в сумрачную комнату. Таинство должно было происходить в соседнем зале, где почти в центре зияло тёмное отверстие – оракул, похожее на пещеру. Справа открылась боковая дверь и вошла женщина, лет тридцати четырёх в ярком цветном хитоне, но совершенно не выразительной, даже почти некрасивой внешности. Это была пифия. Она подошла к кадке с водой, взяла кувшин, зачерпнула и стала поливать себя. В то время как она совершала омовение кастальской водой, жрец зажёл маленький костерок. После того, как он подбросил туда ветки лавра и две горсти ячменной муки, костерок сильно задымил. Мокрая пифия с закрытыми глазами несколько раз медленно перешагнула через тлеющий костёр, проходя сквозь дым. Очистившись омовением и окуриванием, женщина направилась в левый угол зала к большому серебряному сосуду, наполненному водой из Кассотисского источника. Взяла из маленькой ниши в стене начищенный до блеска ковшик, зачерпнула и напилась. Потом нагнулась к скамеечке, где лежал пук веток, вытащила одну лавровую ветвь и пошла к бездне в центре зала, на ходу сорвала листик и, положив в рот, стала медленно жевать. Затем взошла на треножник, висевший над ямой, и замерла, закрыв глаза.

Жрец привёл ожидающих посетителей к пифии, чтобы те задали вопрос, ради которого проделали такой путь. Из тёмного отверстия в полу, над которым стояла пифия на треножнике, шёл ни то дым, ни то пар. Прорицательница не открывая глаз, слегка покачивалась. Выражение её лица говорило, что она находится где-то далеко и, возможно не в этом мире. Слева открылась дверь, и вошёл худощавый пожилой истолкователь, он сел недалеко от пифии, которая всё больше впадала в какое-то иступлённое состояние. Гонцы с религиозным трепетом взирали на действие и пифию.

И вот она заговорила, но как ни пытались посетители вникнуть в её речь, она казалась им бессвязной и непонятной. А истолкователь в это время что-то записывал. Наконец пифия замолкла и, ... как будто очнулась от чего-то, обвела присутствующих странным взглядом. А истолкователь встал и направился к той двери, откуда он пришёл. Жрец приблизился к пифии, помог ей сойти с треножника и увёл в другое помещение.

Посетители вернулись в соседнюю комнату и сели на резные лавки ожидать ответа. Через некоторое время к ним пришёл жрец и подал три запечатанных свитка, предназначенных для: Алета из Коринфа, Алфемея, внука Темена из Аргоса и Кодра, сына Меланфа из Афин. Именно от них пришли просители. Копия предсказания осталась в храме, в архиве.

На рассвете следующего дня вестники отправились в обратный путь. Два свитка отвезены Алету и Алфемени, царям дорийцев, а третий Кодру, царю Аттики, и в обоих враждующих лагерях были озадачены и опечалены ответом оракула:

Битва может быть, а может и
Не быть в войне неизбежной.
Всё решит смерть главного в войске.
Горькую победу стяжает победитель,
Ведь ему суждено оплакивать своего царя.

Туманный, как всегда ответ оракула толковали и, так, и эдак, но всё же и дорийцы, и афиняне пришли к выводу, что в Дельфах предсказали победу тем, у кого погибнет царь. И глубоко верующим эллинам не могла прийти в голову кощунственная для них мысль, что оракул что-то напутал, не могли усомниться в правдивости предсказания пифии, и каждый был полностью уверен, что их успех зависит только от того насколько верно они будут соблюдать условия предсказания.

Алет и Алфемени, обескураженные думали, как им поступить, как победить и самим остаться живыми и не спешили начинать битву.

Кодр вспоминал своего покойного отца Меланфа, которым гордился и всегда старался быть достойным его. Уж в который раз Кодр воссоздавал в памяти эпизод из жизни отца, принесший трон царя Афин. Ведь их семья, как и многие другие, вынуждена была покинуть свою родину и искать прибежища в Аттике. Это было много лет назад, Кодру было всего шестнадцать, но он уже участвовал в войне вместе с отцом, тогда в Аттику рвались беотийцы и им не удавалось их одолеть. Зазнавшиеся беотийцы смеялись над противником и уверенные в силе своего царя, действительно силача и отменного борца, вызвали царя Афин на поединок с ним. Фимотес, не смотря на происхождение, он был из ионийского рода славного Тесея, отказался от борьбы. И тогда на выручку афинянам пришёл Меланф, потомок Нестора из Пилоса. Как замирало сердце у юного Кодра, когда он смотрел на борьбу! И как он был счастлив и горд, когда царь беотийский распластался и его плечи и лопатки были прочно прижаты к земле его отцом. Единоборство решило исход противостояния. Беотийцы, согласно выдвинутого ими же условия вынуждены были уйти и больше не пытались проникнуть в Аттику. Меланф своей смелостью, ловкостью и силой завоевал право занять престол тессеидов. И он, Кодр, сын и наследник обязан быть достойным своего отца и трона, обязан спасти афинян, а значит и Аттику.

Но их спасение повлечёт его смерть. Победа ионийцев – его гибель... И, если он желает свободу своей второй родине, то должен примириться с неизбежным уходом из жизни.

Вначале он думал поскорее начать битву и самому быть впереди войск, чтобы как можно больше неприятеля увести за собой в царство Аида. Но потом его осенило: зачем воевать, если известен результат, зачем напрасно гибнуть ионийцам и дорийцам тоже. Его приверженцы победят только оттого, что его убьют враги, и неважно как это произойдёт.

Когда Кодр это понял, он стал спокоен, но всё же вместе с тем ему было грустно. Он выглянул в окно. Звёздная россыпь нависла над ним, казалось, протяни руку в эту чёрную мерцающую мглу и зачерпнёшь сверкающие блёстки. Скорей всего он уже никогда не сможет любоваться красотой ночного неба, как и многим другим, потому что... он решил, эта ночь ...последняя.

Кодр тихонько прошёл на женскую половину дворца, заглянул в комнату жены. Ему хотелось подойти, на прощание погладить рассыпавшиеся волосы, поцеловать родное, милое лицо, но он боялся разбудить. Будут расспросы, плач, причитания, а ему надо быть твёрдым и выполнить свой план, никого не посвящая в него. Затем приоткрыл дверь, где

спали две его дочери. Кодр взглянул на спящих: малышку Поплию и десятилетнюю Гелию и поспешил прочь, потому что с каждым мгновением, проведённым подле своих детей, ему всё труднее было их покинуть. Перейдя на мужскую половину, он вошёл в спальню сыновей. Медон широко раскинул руки и крепко спал. Кодр в задумчивости посмотрел на суровые черты лица старшего сына. Ему хотелось верить, что Медон сумеет заменить его и быть хорошим правителем. Столько хотелось сказать, а времени уже не осталось... Кодр перевёл взгляд на младшего сына. Пелей спал на боку, уткнувшись лицом в мягкий валик у изголовья. Кодр, глядя на него, грустно улыбнулся. Он мысленно просил богов гасить раздоры между братьями и желал им жить в дружбе и согласии. Кодр с горьким вздохом покинул сыновей, вернулся в свою комнату. Написал записку. Кликнул своего верного слугу и наказал ему отдать царице послание на исходе следующего дня, если он не вернётся к заходу солнца.

Утром дорийцы сменили дозорных в своём лагере и продолжили свои каждодневные упражнения в ратном деле, ожидая приказа царей к сражению. Но цари медлили с выступлением и, как и другие воины почти всё время проводили в тренировках, совершенствуя своё мастерство. Между палаток, где чистили своё вооружение и вокруг площадок, где разминались дорийцы, бродил хмельной поселянин и болтал без умолку, потешая окружающих. Дорийцы посмеивались над его потёртым и дырявым хитомом, заношенной шляпой и истоптанными сандалиями, говоря, что жителей Аттики их царь довёл до нищеты. Поселянин охотно вступал в дебаты, опровергая их доводы, и предлагал им отведать за небольшую плату жареных каштанов, которыми набита его торба, и испить вкусного виноградного вина, которое плескалось в сосуде, что висел за спиной. Сначала дорийцы охотно смеялись его шуткам, но потом до них стала доходить их двусмысленность. Поселянин намекал на пастушеское и кочевническое прошлое дорийцев, противопоставляя им тружеников пахарей и искусных ремесленников ионийцев. Гордость дорийцев, считающих себя прирождёнными воинами и презирающих любой труд кроме владения воинским искусством, откровенными намёками этого бедняка была сильно задета. Каждая новая шутка поселянина становилась всё злее и ехиднее предыдущей. Дорийцы уже не смеялись. А поселянин продолжал сыпать анекдотами, где дорийцы выступали хвастунами и тупыми вояками, неспособными оценить прекрасное. Он с таким удовольствием рассказывал байки, обидные для дорийцев и от души сам смеялся, что разъярённые воины решили проучить этого наглеца. Но поселянин не замечал их всё возрастающего раздражения, продолжая выкладывать всё новые и новые истории, уже откровенно покатываясь над дорийцами, которым, по его мнению, боги забыли вложить ум, поэтому они не боятся ударов по голове и для убедительности бросил в одного из возмущавшихся воинов кувшин с остатками вина. Воин успел увернуться, но то была последняя капля переполнившая терпение дорийцев, которые сначала намеревались вышвырнуть этого пьяного идиота из лагеря, но оскорбления породили бешеный гнев и жажду его прикончить. Множество ударов: от кулаков, дротиков и кинжалов посыпалось на незадачливого селянина.

Царица Афин весь день не находила покоя, никто во дворце не знал где Кодр. Она пыталась отвлечься заботой о детях и хозяйственными хлопотами, но всё же какая-то необъяснимая тяжесть на душе тревожила её. После захода солнца слуга Кодра отдал ей записку. И скоро по залам разнёсся вопль отчаяния и горя! Плач и причитания пронесли по женской половине дворца, быстро перемещаясь на остальную часть...

Ночная мгла поглощает округу. Сквозь мрак идёт толпа афинян и с помощью смоляных факелов рассеивает его. Они подошли к лагерю дорийцев. Предводитель отряда, рослый афинянин обратился к караульным:

– Позвольте нам забрать тело нашего царя, которого убили в вашем лагере.

На это заявление дорийцы в недоумении отвечают:

– Вы ошиблись! У нас не может быть вашего царя, никто его здесь не видел и, тем более не убивал

– Нет, мы знаем точно, Кодр убит у вас в лагере.

Дорийцы, продолжая недоумевать, послали гонца к Алфемени и Алету. После недолгого ожидания афинянам разрешили пройти и искать своего пропавшего царя. Большинство дорийцев насмехались, мол, вот так царь, до того странен, что приходится его искать во враждующем лагере. Не таковы их цари, никому из дорийцев не придёт в голову, что они могут потеряться, не говоря уже о том, чтобы вести поиски среди противника. Но некоторые из них притихли в религиозном страхе. А отряд афинян, не обращая внимания на грубые насмешки и подначивания дорийцев, тщательно осматривал территорию лагеря. Наконец они нашли убитого поселянина и опустились перед ним на колени, наклонив скорбно непокрытые головы. Видя эту сцену, дорийцы разразились хохотом. Афиняне, не обращая на них внимания, осторожно положили труп на носилки, и молчаливая процессия в глубокой печали направилась к выходу.

Дорийцы в смятении. Кто же из них мог подумать, что вместо полоумного поселянина окажется царь Афин! Кто мог предположить, что Кодр сам пойдёт на смерть ради победы Аттики, а что победа теперь на стороне афинян, никто уже не сомневался. Ибо так предсказал оракул... На следующее утро дорийцы сняли лагерь и удалились восвояси, они отказались претендовать на Аттику.

Прошли года, в Аттику прибывали и прибывали разные племена, теснимые беотийцами и дорийцами. Но скудная земля Аттики не могла всех прокормить, и люди вынуждены были искать приюта за морем. Афинами правил Медон, наследник Кодра. Пелей не смог вынести власти старшего брата и, собрав большую группу единомышленников, состоящую преимущественно из ионийцев, покинул родину и обосновался на Кикладских островах, потеснив карийское население. Часть переселенцев обосновалась у южного берега Карики. Ими было основано двенадцать городов на островах и малоазийском побережье. И новое своё отечество они назвали Ионией.

Расцветающие Афины и Аттика, где смешалось с ионийцами население Средней Греции и Пелопоннеса, на многие столетия избежали беотийского и дорийского завоевания. Но противостояние и соперничество ионийских по духу Афин и дорийской Спарты оставалось.

3 авг., 3 сент. 2004 г.

Детство Коллодия

(об образовании в Древних Афинах)

Коллодий жил в V в. до нашей эры в Афинах. С детства он, как приклеенный, ходил за всеми, кого встречал в доме. А когда говорить начал, то совсем замучил взрослых. Схватит край одежды и спрашивает: «Ты куда идешь? Что делаешь? Зачем это надо? Почему туда нельзя?..»

Его мать, скромная и строгая женщина, не поддерживала обычая брать кормилицу, в отличие от многих афинянок, которые выискивали их в Фессалии и на Пелопоннесе. Мать Коллодия была образованной, читала философов, в том числе порицающих женщин за эгоистический обычай, отрывавший ребенка от матери и передававший его в руки наемной женщины.

До семи лет Коллодий жил на женской половине дома под присмотром матери, служанок и старших сестер. Все свободное от сна время он играл и ел дома и во дворе. Больше всех он любил играть с младшим сыном соседей Клеоном. Обычно они нагружали маленькую тележку на двух колесиках всякой мелкой всячиной, запрягали в нее маленькую собачку. Но собака мстила, гоняясь за ними и пытаясь отнять кусок пирога или другое лакомство. Иногда играли в садовников, старательно закапывая и поливая сломанные ветви.

Однажды Клеон очень сильно заболел. В этом были виноваты его родители. Они считали, что афинское воспитание чересчур изнеженное, что афиняне держат детей в «вате», а вот у спартанцев дети воспитываются идеально. И по их примеру не пеленали маленького Клеона, купали в холодной воде, приучали к переменам погоды, зимой одевали в легкую одежду. И в результате чуть не потеряли сына. Но у Клеона оказалось хорошее здоровье, и он выздоровел.

И вот он с Коллодием опять носится по двору, пытаясь из утки сделать верховую лошадь. А телега, запряженная козами, – у них боевая колесница.

Но вот пришел срок, и игры потеснила учеба. Закон обязывал родителей давать своим детям образование. Правительство неоднократно объявляло народу законодательные постановления относительно воспитания, к этому же обязывали общественные нравы и склонность афинян к умственной жизни. Но так как государственных школ в Афинах не было, не было и общей программы. Учителям предъявляли лишь общие требования. Народ в вопросы воспитания не вмешивался. Каждый старался заниматься своим делом.

Коллодия и Клеона отдали в одну из частных школ. Их учителя не имели права навязывать ученикам своего мнения. Они помнили, что в их руках будущие граждане и их обязанность – развивать в них любовь к отечеству, к национальным учреждениям.

Коллодию предстояло обучиться словесности у грамматистов, музыке – у кифаредов, гимнастике – у педотрибов.

Грамматист стал обучать Коллодия и его товарищей письму, чтению и началам арифметики. Когда учитель понял, что дети могут читать и писать, то стал заставлять их учить стихи. Для этого он читал им отрывки или целые рассказы назидательного содержания или описания подвигов великих героев. Отрывки из произведений знаменитых поэтов: Гомера, Гесиода и других комических и трагических поэтов. А ученики, стоя вокруг него, по несколько человек или все сразу повторяли за учителем фразу за фразой, пока не выучивали весь стих. Этим учитель пытался достичь не только литературного развития, но и морального.

Кифаред обучал детей игре на лире и на флейте. Он наигрывал мелодию на одном из инструментов, а потом требовал, чтобы кто-нибудь из учеников повторил. Каждый должен был повторить, пока не научится играть правильно. Еще они пели под аккомпанемент и без него.

Коллодий не был в числе лучших учеников, но и худшим назвать его было нельзя. Он не очень любил все эти музыкальные упражнения, но понимал, что эти уроки составляют естественное дополнение к его образованию и человеку благородного происхождения следовало уметь играть на лире для своего развлечения. К тому же учитель не раз повторял, что музыка благородством своих мирных звуков и поэзией возвышает сердца и удаляет от них низменные помыслы.

И все-таки Коллодию больше нравилась гимнастика. Под руководством педотриба Коллодий и его товарищи перепрыгивали рвы и разные препятствия, совершали простой бег в одну стадию для укрепления мускулов ног и развития легких, делали упражнения для пальцев рук – учились держать и вращать гладкий бронзовый диск, развивая мускулы рук и плеч, метали вместо дротиков палки. Но все их занятия были больше похожи на игры.

У Коллодия было два старших брата – Диамед, четырнадцати с половиной лет и Артисилей, девятнадцати лет. Коллодий с Клеоном частенько бегали смотреть, как соревнуются Диамед с Гармоником, старшим братом Клеона, в гимнастических упражнениях. Их занятия были серьезнее, и требовали с них больше.

Коллодию нравилось наблюдать за борьбой, потому что она развивала силу, ловкость, закаляла дух и приводила в движение все мускулы. Как обычно, место для борьбы выбиралось грязное и пыльное. Грязь увеличивала трудность борьбы, мешала равновесию. Перед борьбой Диамед и Гармоник натирали свои тела маслом. Во время борьбы каждый из них старался опрокинуть своего соперника на спину, чтобы он коснулся земли плечами. Но чтобы стать победителем, надо было три раза повалить противника на землю, не ударяя его. Это было целое искусство.

Ночью во время празднеств Коллодию нравилось смотреть на бегунов, когда они бежали с факелами. Это зрелище привлекало почти всех жителей.

Коллодий ждал с нетерпением, когда он так же, как Диамед, сможет заниматься борьбой, научиться бороться на ногах и, катаясь по земле; бросать диск в высоту, вверх и горизонтально, развивая обе руки; прыгать через широкие рвы со свинцовыми гирями для увеличения веса и удлинения прыжка; метать настоящий дротик, укрепляя руки и развивая меткость глаз; бегать до двадцати стадий; обучиться играть в мяч и верховой езде.

А пока в свободное от занятий и игр время Коллодий бродил по городу с приятелем. Он жадно впитывал в себя все, что видел и слышал: политические и уголовные процессы, речи в суде; речи ораторов и политических лидеров на народном собрании; награждение и прославление отличившихся граждан; зрелища, рассказывающие о жизни богов и подвигах героев или высмеивающие людские пороки в театре. Все это носило нравственный отпечаток, всякой вещью пользовались как воспитательным средством, как поучением для подрастающего поколения. Коллодий замечал и запоминал, как его отечество вознаграждало граждан и какой славы достигали служившие ему.

Иногда его старший брат Артисилей рассказывал о своих занятиях в гимнасии, о философах, о занятиях военным делом, показывал, что умел. Тогда Коллодий мог блеснуть перед своими сверстниками. Ведь Артисилей уже год находился на службе как эфеб, где не только совершенствовал свое умение в гимнастических упражнениях, но и обучался фехтованию, метанию боевого дротика, стрельбе из лука, обращению с метательными машинами и верховой езде, а также знакомился с правилами мореходного искусства. Он уже давно вместе с другими эфебами произнес клятву в верности и защите своего отечества.

Не забывая развлекаться в свободное от службы время, Артисилей посещал гимнасий, где слушал речи философов и софистов, изучал риторику, географию, астрономию, математику и рисование. Мечтая сделать карьеру, он мог все это себе позволить, так как у него были богатые родители. Коллодию же Артисилей казался все умеющим и все знающим и был для него непрекаемым авторитетом и примером для подражания.

Но грянула беда. К Афинам приближалось персидское войско. Заканчивалось безмятежное детство Коллодия. Жители спешно покидали город. Коллодию пришлось расстаться со своим другом. В числе многих Клеона с матерью отправили на остров Саламин. Отец же Клеона, так же, как и отец Коллодия, и Артисилей, ушел в ополчение.

Но государство не забыло своих будущих граждан. В эвакуации продолжались воспитание и обучение детей. Коллодия вместе с сестрами, Диамедом и матерью отправили в город Трезену. Этот город был связан с Афинами узами гостеприимства и принял многих афинян. В Трезене постановили содержать их за общественный счет, назначив каждому по два обола в день. Детям разрешили брать плоды, откуда им вздумается, и выплачивать жалованье их учителям.

Несмотря на заботу родных и тех, кто управлял государством, Коллодий скучал по отцу, Артисилею и Клеону, вспоминал родной дом, знакомые улочки. Он страстно молил богов о помощи и защите для афинян, желая поражения врагам своей родины.

Древний Рим, Карфаген

Прихоть сына царя

(Одноактная пьеса)

Действующие лица:

Рассказчик – старик с клюкой.

Подростки (4—5 человек) – его слушатели.

Секст Тарквиний – сын последнего этрусского царя Тарквиния Супербе (Гордого).

Жена Секста.

Луций Тарквиний Коллатин – родственник царя.

Лукреция – жена Коллатина.

Служанка – девочка-подросток.

Ларс – слуга в доме Коллатина.

Луций Юний Брут – племянник царя.

Члены сената.

Слуги и друзья Тарквиниев.

Действие происходит в 508 г. до н. э. в Риме, в военном лагере, в сенате, в домах Коллатина и Тарквиния.

Действие первое

Явление первое

На сцене темно, лишь её угол освещён. Там сидит почтенный старец. Вокруг него расположились несколько подростков. Старик рассказывает, дети слушают.

Старик: О-о! Дети, когда я был таким, как вы, события важные произошли. Слушайте рассказ из времён юности моей, когда последний этрусский царь господствовал над Римом. В те далекие времена я свидетелем и очевидцем был, как изгнана царская семья. А началось всё, казалось, с пустяка, с прихоти сына царя...

Младший внук: Дедушка, откуда знаешь это?

Старик: С юных лет мы с сестрой прислуживали в царском доме. Я был слугой у Секста Тарквиния, сына царя. Везде с ним находился, поэтому и знаю многое о нём. Он был себялюбивый и коварный. Считал себя умней других. И вот однажды, когда царский лагерь находился близ Ардее, Секст затеял спор о добродетельности жён с родственником своим Луцием Тарквинием Коллатином.

Явление второе

Свет в том месте сцены, где сидит старик с детьми, притушен. В глубине сцены ярко освещены несколько человек, в том числе подросток-слуга, на фоне палатки. Двое из них спорят.

Секст: Как думаешь, Луций, чем занимается твоя жена в отсутствие мужа?

Луций Коллатин: Домашними делами, как всегда, хозяйством и детьми.

Секст: И ты уверен в этом?

Коллатин: Вполне.

Секст: А я вот сомневаюсь!

Коллатин: В чьей жене? (*усмехаясь*).

Секст: В твоей, конечно!

Коллатин: И напрасно. Я в ней уверен, как в себе!

Секст: Зарекаться нельзя! В древности были тверды и добродетельны жёны, а теперь нравы изменились. И они, как только муж за порог, пренебрегают обязанности свои, устраивая пирушки и развлечения.

Коллатин: Да, Секст, это касается многих жён, но не моей, поверь.

Секст: Может быть, оно и так, но не верится.

Коллатин: Почему же, Секст? Сравниваешь со своей женой?

Секст: Луций, хочешь сказать, что твоя жена добродетельна, а моя – нет?

Коллатин: Секст, а кто же этого не знает?

Секст: Нет, Луций, ты не прав. Не можем мы ручаться за жен, когда нас с ними рядом нет.

Коллатин: Секст, о Лукреции можешь не беспокоиться. Моя жена добродетельней многих, не то, что некоторые...

Секст: Ты опять намекаешь...

Коллатин: Вот именно, и мы это можем проверить.

Секст: О чём ты говоришь?

Коллатин: Приедем домой, а жен не предупредим и узнаем, чем занимаются они.

Секст: Луций, ты предлагаешь бросить лагерь и ехать по домам?

Коллатин: Да, Секст. Спор, который ты начал, требует доказательств. И мы добудем их, поздно вечером возвратясь домой, и все убедятся, кто из нас прав.

Секст: Бросить войско и уехать к женам? Что скажут воины о нас?

Коллатин: Не беспокойся. Мы в Рим немедленно помчимся и быстро возвратимся. Или спор ты боишься проиграть?

Секст: Нет, с чего ты взял... Я согласен. Едем.

Свет меркнет в центре зала.

Явление третье

Освещается угол со стариком и детьми.

Старик: Луций Тарквиний Коллатин знал, что его жена честна и добропорядочная, и в отсутствие мужа не опозорит имени его. Поэтому он и настаивал жён посетить и положить конец словоблудию Секста. В этой поездке я, как всегда, сопровождал господина своего. Недолго нам пришлось искать хозяйку дома. Она сидела за прялкой и тихо напевала.

Явление четвёртое

В центре зала – жена Коллатина прядёт. В комнату входят: её муж, Секст со слугой и двое их приятелей.

Лукреция: Луций, мой супруг, уж возвратился ты?! Как рада я!

Коллатин: Нет, моя дорогая, вот посмотрю на тебя, ребятишек и уеду снова.

Лукреция: Всё ратные дела (*с сожалением*).

Коллатин: Уж поздний вечер, а у тебя всё хлопоты по дому.

Лукреция: К твоему приезду хотела сшить тебе новую тогу. Вот пряжу для неё пряду.

Коллатин: Спасибо, родная. Проводи меня. Целует жену и уходит. Уходят и остальные.

В центре сцены свет меркнет.

Явление пятое

Свет зажигается в углу, где старик и дети.

Старик: Затем оправились мы к жене Секста. Ещё мы к дому не подъехали, а уж были слышны музыка и пение. Вошли. В большой комнате полно гостей, слушали они музыкантов и певцов за трапезой обильной. Жена Секста, весёлая и хмельная, с друзьями хохотала, возлежав перед столом, полным яств и вина.

В углу сцены свет меркнет.

Явление шестое

Центр сцены ярко освещён. В большой комнате, перед низким и длинным столом возлежат хозяйка и её гости. На столе – блюда с едой и кубки. Слуги стоял с кувшинами вина, и наполняют кубки. Все навеселе, слушают музыкантов и певцов, смеются и болтают. К ним входят Секст со слугой, Коллатин и двое их приятелей. Жена Секста, наконец, замечает мужа.

Жена Секста: О, Секст, ты вернулся? Как кстати. Присоединяйся к нам, развлечёмся славно (*проговорила она, еле языком шевеля*).

Секст: Мне уже пора возвращаться! (*Зло отвечает ей*).

Коллатин: Теперь ты убедился сам, что прав был я. (*улыбается*)

Уходят: Секст, слуга, Коллатин и другие.

Действие второе

Явление первое

Секст один в палатке. Злится.

Секст: ...Его жена добродетельна! А моя ...Опозорил на весь Рим... Я отомщу! Узнаешь, Луций, как верна тебе жена. Да, она красотка, и одарить любовью меня должна! Ха-ха-ха... Клевета немало дверей открывала, и твердыни целомудрия таят от потока лести...

Свет гаснет.

Явление второе

Освещённый угол сцены со стариком и детьми.

Старик: Через несколько дней коварный Секст, что-то замышляя, тайно покинул лагерь. Моя сестра служанкой у Лукреции была и видела, как вероломный Секст пришёл в спальню к госпоже. Но помочь ей не смогла, будучи подростком малым. Испугалась и спряталась она среди подушек и покрывал. Но слышала всё и нам потом рассказала. Вот, что знаю я от неё: госпожа собиралась лечь в постель, но у зеркала задержалась. Вдруг в комнату вошёл сын царя!

Свет меркнет.

Явление третье

Центр сцены освещается. В комнате стоит кровать, за ней скамейки с подушками. Девочка-слуга споткнулась, упала, покрывало накрыло её. За столиком сидит Лукреция, смотрит в этрусское зеркало и расчёсывает волосы. В спальню входит Секст.

Лукреция: Секст, что привело тебя в столь поздний час? Известия о Луции? Что с ним? Он жив? Ранен?

Секс: Жив твой Луций и здоров. А ранен я!

Лукреция: Куда же? Не вижу крови у тебя? И почему пришёл сюда ты, а не к жене в свой дом?

Секст: Бескровная рана у меня. Амура стрелы сердце мне пронзили. И жена уже не мила, лишь ты одна – любовь моя

Лукреция: Секст, я верная жена и не хочу слышать речей подобных!

Секст: Кому верна ты? Тому, который изменяет каждый день! Тебя, дочь знатного рода, меняет на тех, кто доступен даже нищему солдату!

(Служанка испуганно закрывает себе рот и глубже прячется).

Лукреция: Зачем мне это говоришь?

Секст: Затем, что большего достойна такая женщина, как ты! Царское ложе – вот место для тебя!

Лукреция: Секст, уходи, прошу! Тебя я слушать не должна. Я Луция люблю!

Секст: Лукреция – любовь моя, услышь мои мольбы, ведь сын царя умоляет тебя! Сойди с одинокого супружеского ложа в мои объятия и награди своей любовью! *(Обнимает, целует)*

Лукреция: Секст,пусти, оставь меня *(пытается вырваться)*.

Секст: Лукреция, ты так хороша, что я не в силах оторваться от тебя! Своим отказом меня ты ещё больше распяляешь!

Лукреция: Уходи!!

Секст: Надеюсь, ты кричать не будешь, нам не нужны свидетели нашей любви. *(Силой повалил её на постель)...*

Свет гаснет, но затем снова зажигается. Лукреция на кровати полуобнаженная, прикрыта покрывалом. Постель взъерошена. Секст стоит перед ней и усмехается.

Секст: *(нагло)* Отныне ты, Лукреция, не добродетельная жена, а любовница моя. Ха-ха-ха.

Уходит.

Явление четвёртое

Лукреция думает, что она одна в комнате. Плачет.

Лукреция: Не только честь поругана моя. Опозорен мой отец и мой супруг! Что скажут люди! Честь рода осрамлена! И воины высмеют полководца, у которого жена... О, никогда! Я жить больше не должна! Кровь моя смывает позор с семьи! Но сначала правду из моих уст они узнать должны!

Лукреция села за стол, пишет письмо, затем подходит к двери, открывает её, зовёт слугу.

Лукреция: Ларс, Ларс, зайди ко мне!

Явление пятое

Лукреция и слуга.

Лукреция: Поезжай к моим мужу и отцу. Передай письмо им в руки. Да никому об этом не болтай и не показывай письма!

Ларс: Слушаюсь, госпожа.

Кланяется ей и уходит.

Явление шестое

Лукреция берёт со стола кинжал, смотрит на него. Вздохнула, закрыла глаза и с силой вонзила его в грудь. Широко открывает глаза, кричит и стонет от боли. Падает.

В центре сцены свет гаснет.

Действие третье

Явление первое

Освещается угол сцены со стариком и детьми.

Старик: Прихоть сына царя и смерть Лукреции не только Луцию Коллатину, но и царю большое горе принесли. Был у этрусского царя племянник Луций Юний, по прозвищу Брут,

что означало «идиот». Его, царя и старшего брата царствующий дядя пытался умертвить. Но Юний выжил лишь потому, что прикинулся сумасшедшим. Его единственной целью в жизни была месть царю за убийство брата и отца. С Коллатином Брута связывала дружба крепкая. Узнав о горе друга, Брут с Коллатином отправились в сенат.

Свет в углу сцены меркнет.

Явление второе

Центр сцены ярко освещён. Перед членами сената стоят Коллатин и Брут.

Коллатин: Почтенные отцы, мы к вам за помощью пришли!

Члены сената: Какая помощь вам нужна? Что за беда случилась?

Брут: От произвола царской семьи защиту ищут граждане Рима!

Члены сената: Что этим хочешь ты сказать? Царю ты не чужой!

Брут: Мне от этого только хуже! Но речь не обо мне сейчас. Вы все знаете Коллатина и, какая замечательная у него жена была!

Члены сената: Была? Почему была? Она ведь ещё молода!

Коллатин: Да была, в этом и беда! А виновник – сын царя, коварный Секст!

Брут: Лукреция – достойнейший пример для многих жён. Образец доброты, сердечности, честности и верности. Эта добродетельная женщина обманута была в то время, когда её муж готовился к сраженью! Гнусный Секст, клеветца на мужа, силой захватил жену! И эта честная латинянка своей смертью позор семьи в могилу унесла! Старейшины родов, вы призваны блюсти обычаи отцов, остановите произвол! Как мы можем идти сражаться с врагом?! Как можем покидать дом и оставлять жён, сестёр и дочерей?! Гражданин Рима должен опасаться за судьбу своей семьи?! За честь её! За репутацию свою! Старейшины, до чего же мы дошли! И всё это из-за распущенности царской семьи! Зачем Риму царь, от которого страдает народ! Где мудрость его решений?! Только властолюбие и капризы! Нам не нужны лживые и жадные цари!

Члены сената: Царь окружил себя телохранителями, чего раньше не бывало! Заставляет свободных граждан трудиться на унижительных работах! А скольких на Форуме распял! Да, многих смерти предал! И сынок под стать отцу! Хороший предлог покончить с господством этрусков! Смерть Лукреции – повод избавиться от их власти над нами!

Брут: Я предлагаю изгнать из Рима не только царя, но и его семью! Вырвать это ядовитое семя со всеми отростками! И пусть наш народ выберет более достойных правителей, за которых не будет стыдно ни современникам, ни потомкам нашим!

Свет меркнет.

Явление третье

В углу сцена освещается. Старик продолжает беседовать с детьми.

Старик: Бруту удалось убедить сенат изгнать царскую семью из Рима. Весть дошла до царя и он, бросив военный лагерь и армию, отправился в сенат. Тем временем к покинутым воинам прибыл Брут и рассказал им о коварном Сексте и верной Лукреции. Несмотря на своё прозвище, Луций Брут был мудр, знал, кому и как сказать, на что обратить внимание. Поэтому солдаты поддержали Брута. А против царя поднялось восстание. Тарквиний Гордый, последний царь Рима, лишенный поддержки сената и армии был вынужден бежать со своей семьёй на север, в Этрурию.

Внук: Дедушка, а что было потом?

Старик: Я не поехал со своим господином, а остался в Риме. С тех пор много лет работал у Брута. На собрании граждан-воинов его и Коллатина избрали консулами и передали им власть, которой обладал царь, но не пожизненно, а на один год.

Старший внук: И они правили вместо царя?

Старик: Не совсем. Коллатин отказался от этого почётного звания. Он долго горевал по Лукреции. И вместо него должность консула получил Публий Валерий, заслуживший прозвище Поппикола – «друга народа». Этот честнейший гражданин Рима провёл через народное собрание немало законов, ставших основными для Римской республики.

Дети: Какие законы дедушка? О чём они? Скажи!

Старик: Например, любой, кто попытается сделаться царём, может быть убит без суда, всякое покушение занять общественную должность без согласия народа должно караться смертью, любой гражданин, приговорённый магистратом к телесному наказанию или смерти, имеет право просить защиты у народного собрания... Вот так у нас царей не стало. Республикой стал зваться Рим.

Внук: А ещё дедушка.

Старик: Ой, детки, я устал. На солнце погрел кости, душу беседой долгой утолил и утомился. Пойду, прилягу. *(С трудом встаёт, дети ему помогают, поддерживают. Старик уходит, дети за ним.)*

21—26 мая 1999 г.

Путешествие в разрушенный город

*Никому нельзя советовать жениться и путешествовать
по чужим краям
(латинское изречение)*

Глава первая Прогулка по городу и его окрестностям

*Стучите и вам откроют
(латинское изречение)*

Завизжали тормоза и синий «Мерседес» остановился около двухэтажного глинобитного дома. Крепкий мужчина, лет двадцати восьми в солнцезащитных очках вышел из машины. Несмотря на рост, немногим выше среднего он показался высоким по сравнению с хилыми и малорослыми местными жителями. Короткая стрижка открывала уши, которые немного торчали в стороны, и не очень шла к его несколько квадратному лицу. Тёмно-русые усы прикрывали тонкие губы.

Вслед за ним показалась худая женщина с маленьким лицом и осветлёнными тусклыми волосами, уложенными в тонкие «мокрые» пряди. Несмотря на модную одежду – «богатую бедность», выглядела она как драная кошка.

– Вроде бы здесь, пошли, – сказал мужчина, поправляя брюки, его брюшко уже начало свисать над ремнем.

«Кошка» засеменила за ним, оглядываясь по сторонам.

Невдалеке в песке играли грязные, почти голые дети. Мимо прибывших иностранцев медленно шли, бросая любопытные взгляды, худощавые мужчины, с лицами цвета тёмной бронзы, в просторных халатах, с замотанными головами и женщины в светлых одеяниях, закутанные с головы до пят, лишь смоляные брови, да блестящие чёрные глаза были открыты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.